

ББК 84(4Укр=Рос)6-44
УДК 821.161.1(477)'06-312.4
Б44

Филиппу Залевскому невиданно повезло — он единственный остался в живых после страшной автомобильной аварии. Но по-настоящему радоваться у него не получается: слишком много странного и страшного происходит вокруг него. Атмосфера из загадок, тайн и недосказанности сгущается. Можно ли верить тем объяснениям, которые дают ему новые знакомые?

Жанр нового романа Павла Белянского трудно обозначить одним словом. Мистичная социальная фантастика в детективном ключе, пожалуй, ближе всего к искомому. Насколько это соответствует вашим ощущениям, вы сможете решить, дочитав роман до конца.

ISBN 978-966-97622-2-1

© П. Белянский, 2017
© М. Гутман, художественное оформление, 2017
© «ДИПА», 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Несколько лет назад, бродяжничая по просторам Скайнет, я наткнулся на пост, подписанный странным именем — Паштет. Уже не помню, что это был за рассказ, вернее, рассказик, миниатюра, но он был такой точный... Такой тонкий, смешной, грустный и трогательный!

Как говорили во времена моей молодости: в самую пимпочку!

Стопроцентное попадание в настроение, в эмоцию. Те самые слова. То самое построение фразы. Просто. Совершенно без украшательств и выпиливания лобзиком. В лоб, но тонко.

Как писатель я понимаю, когда мною манипулируют (вы не пугайтесь, но искусство — это всегда манипуляция эмоциями и сознанием человека), но как читатель и зритель люблю, когда это делают уважительно и качественно.

В общем, дальше я уже следил за творчеством Белянского. Павел Белянский, он же Паша Паштет, топовый блогер, въехавший в топ не на скандале, не на политических постах, а на литературном таланте, написал массу миниатюр, смешных и грустных одновременно.

Знаете, чем его рассказы интересны, прежде всего? Они о людях.

Паша работает на кладбище, поэтому видит людей такими, как они есть. Голенькими. На сломе эмоций. Уметь улыбнуться, работая рядом со смертью — это вам не хухры-мухры. Для этого надо быть немножко философом, немножко пофигистом, немножко оптимистом и очень-очень большим эмпатом. Иначе того самого резонанса между эмоциями читателя и историями Белянского никогда не было бы. А он — есть!

Когда говорят, что Паша пишет для женщин, мне смешно. Паша пишет для тех, кто умеет сопереживать чужому горю, чужой боли, чужим сомнениям и потерям. Найдите здесь гендерную составляющую, и вас можно сразу обвинить в сексизме! Нет, его талант, ИМХО, универсален. Хорошая проза всегда трогает. Хороший текст всегда эмоционален. Но есть магия формы, и Паша реальный маг в малой! Не все справляются с такими задачами!

Поэтому, когда мне в руки попал роман Белянского, я невольно напрягся — творец малых форм зашел на чужую территорию? А к добру ли это?

И вот роман мною прочитан, а вам все еще предстоит это сделать, и я хочу предупредить читателей: вы столкнетесь с новой стороной Паши-Паштета, и Паштет-беллетрист отличается от Паштета-новеллиста. Но он вам понравится, потому что в детективном тексте рассыпано немало выпуклых, чисто паштетских словечек,

характеристик, образов, а сам роман вполне съедобен для любителя боевиков и триллеров.

Так что те, кто хочет намазать на свой интеллектуальный бутерброд паштет из мистики, фантастики, триллера и фирменного юмора от Белянского — welcome! — под обложкой именно он: Белянский со специями и добавками. Мне было вкусно, попробуйте и вы!

Я надеюсь, что это не последний эксперимент Павла, и мы узнаем еще много нового по поводу его амбиций и талантов, а вам сегодня предстоит самим понять, удался ли сетевому автору миниатюр «Великий побег» в «бумажную» литературу!

Ян Валетов

«Иногда распахиваются двери бараков. Из натопленного жилья с облаком белого пара выскакивает зек. Он мочится, закуривает, кричит часовому на вышке:

— Але, начальник! Кто из нас в тюрьме? Ты или я?!
Часовой лениво матерится, кутаясь в тулуп...»

Сергей Довлатов
«Зона»

Часть 1

АБИТУРИЕНТ

1.1

Филипп всегда оставлял машину на одном и том же месте подземной парковки бизнес-центра. Вот и сегодня у пыльной бетонной колонны с нервной паутиной, зябко дрожащей под потолком на вечном сквозняке, как обычно, отдыхал его двухдверный «мерседес». Не новая машина, но любимая. Филипп не привязывался ни к местам, ни к предметам, как-то не завелась за тридцать три года жизни в его голове такая слабость. Он настойчиво не изменял только трем вещам: односолодовому виски, музыке группы «Металлика» и вот этому двенадцатилетнему «мерсу». Впрочем, с машиной в последнее время не ладилось.

Филипп подошел ближе, нажал кнопку на пульте, открыл багажник, швырнул в него портфель с бумагами, хлопнул крышкой, распугав воробьев под низким потолком.

Успокоиться не получалось. Воздуха не хватало, словно кто-то натянул на лицо марлевую повязку. Руки дрожали. Филипп наклонил голову, посмотрел на свои ладони, несколько раз с силой сжал кулаки и вдруг увидел на асфальте край масляного пятна.

Оно тихо ползло из-под любимого «мерседеса», подбираясь переливом радужной пленки к ботинкам Филиппа. Он присел рядом с машиной, заглянул под днище, стараясь не испачкаться, осторожно тронул бурое пятно, принюхался к темному следу на кончиках пальцев.

И именно тогда заметил его — большой черный джип.

Джип стоял в стороне и угрюмо урчал мотором. За темными стеклами рассмотреть водителя не получилось, да и вообще оказалось невозможно понять, сколько всего человек сидит в машине. Но они наверняка заметили взгляд Филиппа. Джип осторожно тронулся с места и, шурша камешками под огромными колесами, медленно, точно крадись,

покатил в сторону Филиппа. Фары были выключены, и от этого джип выглядел будто слепец с выколотыми глазами, выслеживающий добычу по запаху.

Филипп нажал на пульт, закрывая центральный замок «мерседеса», дернул ручку водительской двери, проверяя, заперта ли, и не торопясь пошел к дверям лифта. Он шел не оглядываясь, чувствуя затылком, как неспешно катит за ним черный джип. Надо было, наверное, не оборачиваться. Хотя какая разница.

Обернулся. У джипа тут же включились, ослепляя, фары, так что рассмотреть номерной знак не получилось. Филипп отвернулся, сделал еще несколько шагов, прикрыв глаза, чтобы перестали мелькать яркие пятна от света фар. И резким броском кинулся бежать по гулкой подземной парковке. Он услышал, как за спиной затворами клацнули двери джипа. И две пары ног загремели следом за ним, неумолимо нагоняя.

Филипп на бегу даже успел прикинуть, когда же это все началось. Когда привычная жизнь вдруг вздыбилась и вытолкнула его из обычных будней в чехарду непонятных происшествий, которые, в итоге, завершались здесь, в прохладном подбрюшье бизнес-центра, встречей с недружелюбным джипом и его агрессивными пассажирами?

Вчера на кладбище? Сегодня на работе? Неделю назад в больнице?

Нет. Теперь Филипп точно понимал, с силой отталкиваясь ногами от бетонного пола, когда его старая жизнь сделала сальто, ударилась о ствол дерева и навсегда развалилась на множество покореженных деталей и кусков.

Это случилось тогда. На трассе. Когда высокое солнце плавилось в безоблачном июльском небе и собаки лежали в тени, высунув лиловые языки.

1.2

Татьяна Кравец ехала на заднем сиденье служебного авто, в пол-оборота смотрела в пассажирское окно, скользила взглядом по ярким вывескам и витринам ресторанов, суетливым пешеходам и машинам, тесно прижавшимся к тротуару вдоль узкой улицы древнего городского центра, и думала о том, как невыносимо устала. Поездки, встречи, архивы, сотни фотографий и тысячи протоколов, терабайты видео с показаниями и допросами, а главное — неподъемная ответственность за всех этих людей, которые идут сейчас по тротуарам или неумело паркуются в узких каменных руслах улиц, — все это выдавило из Татьяны энергию и самоуверенность. Так выдавливают зубную пасту из пластикового тюбика, без жалости выбрасывая в мусорное ведро лишь скомканную оболочку.

Она больше не может. Она устала. И даже вот этот поворот головы дается ей с усилием.

Да, именно с усилием.

Татьяна Кравец привыкла думать о себе в третьем лице. Ей казалось, что так она более требовательна и объективна сама к себе. Словно твое собственное «я» стоит чуть в стороне, как судья на спортивной площадке, бесстрастно наблюдающий за игрой любимой команды. Вот и сейчас она следила за собой, точно подсматривала: как Татьяна равнодушно скользит глазами по улице, ползущей за пассажирским стеклом автомобиля, как, подперев подбородок тонкой рукой, размышляет о своей усталости. После недолгого самосозерцания пришлось согласиться, что она, пожалуй, права — Татьяна действительно устала. И вот какие круги под глазами, и нос заострился, и морщинка легла возле правого уголка рта. Это от привычки в задумчивости кривить губы на одну сторону и грызть карандаш, и это всего в тридцать три года, а что же будет лет через десять.

Машину качнуло на повороте. Татьяна вспомнила, как кренится самолет, потом вздрагивает корпусом от взрыва, начинает разваливаться на куски и непристегнувшиеся пассажиры летят по проходу, ударяясь о кресла и потолок. И немедленно на место усталости пришла злость, твердая и острая, как кусок рваного фюзеляжа, о который она порезалась на месте крушения. Татьяна неосознанно схватилась за руку, там, где когда-то был глубокий порез, а сейчас остался тонкий, едва заметный шрам. Она опять увидела себя со стороны, какая твердая и острая она стала. Злая, твердая и острая. Не тронь — поранишься.

Машина остановилась перед полицейским автомобилем, перегородившим улицу.

— Приехали, Татьяна Александровна, — доложил водитель.

Татьяна вышла из машины, ничего не ответив. Просто чтобы случайно не поранить человека краем своей острой и твердой злости.

Длинный представительский седан стоял чуть боком, упираясь подбитым глазом фары в столб светофора. Горячее июльское солнце отражалось в покореженной решетке радиатора, жгло хромированный диск вывернутого переднего колеса.

Татьяна махнула удостоверением перед носом козырнувшего ей полицейского, поднырнула под ленту, которой патрульные успели оградить место преступления, и осторожно, точно боясь спугнуть замерший посреди дороги автомобиль, с пятки на носок пошла к машине. Со стороны казалось, будто она не осматривается, а принимается, превратившись из симпатичной женщины в небольшую рыжую таксу. Волосы шоколадного оттенка, которые длинными ушами раскинулись на плечах, только усиливали сходство.